

КАМАЛУДИН ГАДЖИЕВ

Политическая идеология: кризис или возрождение?

Идеология теснейшим образом связана с политикой. Более того, мир политического невозможно представить без идеологии. С самого своего возникновения государственная власть, связанные с ней формы правления и проводимый властью имущими политический курс нуждались в обосновании и оправдании. Идеология — не важно, как она называлась в разные исторические эпохи, — как раз и была призвана выполнить эту задачу.

Об обоснованности данного тезиса свидетельствует, в частности, тот факт, что XX столетие называют веком идеологии, поскольку весь он прошел под знаком бескомпромиссной войны различных идеологических систем. Однако конец века ознаменовался дискуссиями и спорами о статусе, роли и перспективах идеологии в современном мире. Тон и направление этим спорам и дискуссиям задавали те представители интеллектуальной и политической элиты, которые заявили об окончательной победе западной демократии и, соответственно, превращении идеологии в реликт прошлого. Однако реалии начала XXI века показывают, что все рассуждения о смерти идеологий и потере ими роли важнейшего фак-

тора политической жизни оказались преждевременными. В предлагаемой вниманию читателей статье предпринята попытка в самой краткой форме изложить авторское понимание этой проблемы.

Идеологическое как вечное

Еще Ф. Ницше предупреждал, что XX век станет веком борьбы различных сил за мировое господство, осуществляемой именем философских принципов. Это предупреждение оказалось пророческим с той лишь разницей, что все многообразие и сложность мировоззренческого начала были заменены идеологическим измерением. В сфере политики идеологические принципы взяли верх над философскими, в том числе политико-философскими. Мир политического приобрел идеологическое измерение, проявляющееся, в частности, в приверженности как политических деятелей, так отчасти и их избирателей тому или иному течению идеологии, или идейно-политической мысли. Хотят того или нет, они в той или иной форме и степени подвержены влиянию идеологических пристрастий, споров и дискуссий, а значит,

ГАДЖИЕВ Камалудин Серажудинович — главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, профессор, доктор исторических наук.

не могут быть полностью свободны от определенной тенденциозности и идейно-политической ангажированности в трактовке важнейших политических реалий.

Поэтому мы и говорим, что тот или иной политик, государственный деятель, та или иная партия, движение, объединение по своим ориентациям, симпатиям и антипатиям являются консервативными, либеральными, социал-демократическими, марксистскими, радикальными и т. д. Весь вопрос состоит в степени и масштабах такой ангажированности и тенденциозности. Отличие идеологии, например, от философии состоит в том, что она пристрастна и предвзята, поскольку выражает интересы какого-либо класса или социальной группы.

Вот почему высказывавшиеся у нас до недавнего времени доводы и всевозможные рассуждения относительно необходимости отказа от идеологии в пользу деидеологизации как неперемennого условия строительства демократического государства лишены каких бы то ни было серьезных оснований. В современном мире политика как арена столкновения различных конфликтующих интересов немислима без идеологии. Речь в данном случае должна идти не о новой деидеологизации, а об утверждении плюрализма идейно-политических течений, подходов, методологических принципов, их сосуществования, терпимости и открытости в отношении друг друга.

Во многом различные идеологические течения явились, по сути, результатом приспособления важнейших направлений политико-философской мысли — либерализма, консерватизма, марксизма, социал-демократизма, радикализма — к потребностям практической политики различных со-

циально-политических сил. Но, в отличие от политической философии, идеология ориентирована на непосредственные политические реалии и действия, на политический процесс, и руководствуется соображениями наибольшей поддержки конкретного политического курса. Естественно, она носит более ярко выраженный тенденциозный характер. Все идеологии, независимо от их содержания, касаются проблем авторитета, власти, властных отношений и т. д., основываются на признании определенной модели общества и политической системы, путей и средств практической реализации этой модели.

Именно в идеологии в наиболее обнаженной форме находит свое практическое воплощение, оправдание и обоснование конфликтное начало мира политического, как и характерная для него дихотомия «друг—враг». Для консолидации идеологии внешний враг имеет, пожалуй, не менее важное значение, чем единство интересов ее носителей. Здесь он служит мощным катализатором кристаллизации этих интересов. Если врага нет, то его искусственно изобретают. Особенно отчетливо этот принцип проявляется в радикальных идеологиях, которые вообще не могут обходиться без внутренних и внешних врагов. Более того, сама суть данных идеологий выражается с помощью образа или образов врага.

Как отмечал немецкий исследователь О. Ламберг, эффективность идеологии в данном аспекте наиболее отчетливо проявляется в тех случаях, когда остальной окружающий мир видится как враждебная сила, провоцируя тем самым инстинкты обороны, страха, агрессивности у членов соответствующей группы. Каждая идеологическая конструкция содержит в себе развернутое представление об

антиподе или противнике. От образа противника во многом зависит степень интегрированности группы.

Известно, что любая идея, как бы совершенна она ни была, будучи доведенной до абсолюта, превращается в свою противоположность или настоящий абсурд, и естественно, попытки ее практической реализации не могут не обернуться далеко идущими негативными последствиями. Если теоретически допустить, например, возможность жизнеустройства, строго следуя нормам и установкам Евангелия, то не приходится сомневаться, что оно рано или поздно развалится. Ни одна армия в мире не способна эффективно функционировать, строго следуя во всех случаях букве собственного устава. В экономической сфере общеизвестен эффект так называемых забастовок «по-итальянски», которые приводят к параличу производства (например, работы железнодорожного транспорта) лишь потому, что все работники трудятся, скрупулезно соблюдая установленные правила и нормы.

Именно такова участь всех радикальных идеологических конструкций. Наглядный тому пример дают тоталитарные идеологии. Когда отдельный человек или приверженцы какого-либо учения проникаются уверенностью, что они овладели окончательной истиной, своего рода универсальным ключом к решению всех проблем и достижению гармонии, они вскоре выражают и вырабатывают уверенность в близкой достижимости царствия правды и справедливости.

В итоге даже передовые по своему первоначальному замыслу социально-философские и идейно-политические системы оказываются замкнутыми, базирующимися на неподвижной основе и стремящимися

втиснуть реальную жизнь в прокрустово ложе отвлеченных и искусственных одномерных конструкций. Превратившись в господствующую, любая идея сама себя сковывает, принимает тон официального оптимизма и уже не допускает какой-либо критики существующей системы. Пропорционально растут ее нетерпимость и закрытость, постепенно превращаясь в некое подобие религии.

Идеологию можно определить как некий строительный проект или эскиз, на основе которого конструируется политическая стратегия тех или иных социально-политических сил в лице партий, организаций, объединений, правительства и т. д. Она выполняет одновременно интегративную и разграничительную функции: первую, например, — для сплачивания членов той или иной партии, вторую — для разграничения между этой партией от другими партиями. Она призвана придавать значимость институциональным отношениям между людьми как субъектами политики, обосновывать, оправдывать или отвергать политические реальности в конкретных общественно-исторических условиях.

Важнейшая функция идеологии состоит в том, чтобы отграничить то или иное сообщество или группу от остальных сообществ и групп. В то же время определенная часть идеологий основывается на конкретном идеале, который независимо от степени его верности или ложности строится, как правило, на противопоставлении действительности — какой она должна быть, действительности — какая она есть. С некоторыми оговорками можно сказать, что в идеологии присутствуют два взаимосвязанных компонента, один из которых в доведенной до логического конца и крайней форме подразумевает разрушение суще-

ствующей системы, а второй — защиты существующего в данный момент положения вещей. Большинство же идеологических течений колеблется между этими полюсами, предлагая свои проекты или программы в качестве альтернатив политическому курсу других политических сил в рамках существующей системы. Естественно, в выигрышном положении нередко оказываются те, кто противопоставляет будущее гипотетическое совершенное общество существующей системе со всеми ее недостатками и проблемами.

Для правильного понимания сущности идеологии необходимо иметь в виду еще один момент. Зачастую — в данном случае не являются исключениями и вполне respectable идеологические конструкции — идеология привилегированных или господствующих групп, слоев, классов основывается на их глубоком убеждении в законности и абсолютной легитимности своего привилегированного или же господствующего положения. Они просто не в состоянии оценить реальное положение вещей — в том числе глубокие изменения, происходящие в собственной стране и окружающем мире, и готовы отстаивать свои позиции любыми, даже насильственными средствами.

В свою очередь, те группы, сословия, классы, которые недовольны существующим положением и выступают за его изменение, склонны впадать в другую крайность. Разумеется, степень такого недовольства может быть различной у разных категорий граждан, и диапазон их программ может варьироваться от требований пересмотра тех или иных аспектов социально-экономической и политической жизни до радикального слома существующей системы.

Сторонники радикальной или революционной идеологии порой настолько одержимы сознанием своей правоты, что вольно или невольно подгоняют многообразие жизненных ситуаций и процессов к собственному видению мира и тем самым также теряют способность трезво оценивать реальное положение вещей. В результате — особенно в тех случаях, когда власть имущие не хотят и не могут идти на какие бы то ни было серьезные уступки, — нередко революция, радикальный переворот рассматриваются в качестве универсального ключа к решению всех проблем.

Как бы ни были совершенны господствующие институты, законы и правовые системы, с течением времени они теряют свой первоначальный смысл и перестают отвечать коренным интересам большинства населения соответствующей страны. Новые реальности вызывают изменения содержания старых или создания новых законов и норм. Но власть имущие, несмотря на очевидность происшедших в реальной жизни изменений, склонны всеми силами защищать их. В результате возникает конфликт между устаревшими законами и новыми реальностями. В данном контексте политика представляет собой арену столкновения различных идеологических систем, идеологических течений и направлений.

Идеология в современном мире

Мы живем в эпоху неопределенности, безверия, разочарований и крушения иллюзий. Старые боги развенчаны и низвергнуты с пьедесталов, секулярные идейно-политические конструкции и утопии, равно как и великие религиозные учения прошлых эпох, какими мы их знали на протяжении

всего XX столетия, во многом перестали выполнять роль мобилизующих идеалов. Они либо исчерпали себя, либо потерпели банкротство, либо существенно ослабли. Другими словами, развенчание многих радикальных, социалистических и коммунистических утопий нашего времени стало свершившимся фактом. Но взамен не были разработаны и предложены какие-либо масштабные позитивные идеи, которые могли бы служить в качестве объединяющих и мобилизующих людей идеалов. Проблема состоит в том, что люди перестают верить как реформаторам, так и революционерам. Великие программы, великие табу и великие отказы более не воодушевляют и не вызывают страха. Они становятся недееспособными из-за полного безразличия потенциальной аудитории.

С крахом идеологического по своей сути советского государства была развенчана и коммунистическая утопия или же наоборот — с развенчанием утопии обрушилась и империя. Неудача марксизма-ленинизма и связанное с ней признание неудачи советского эксперимента выбили почву из-под большинства социальных учений современного мира. Левизна и все без исключения левые идейно-политические течения оказались ввергнутыми в глубочайший кризис. Левые, особенно коммунисты, очутились перед альтернативой: либо, сохранив приверженность «единственно верной истине», еще более ужесточить свои идеологические позиции и оказаться на обочине общественно-политической жизни; либо, согласившись с общепринятыми «правилами игры», открыться в отношении остальных идеологических и политических течений и тем самым попытаться удержаться на поверхности.

Однако крах левизны в ее традиционной версии отнюдь не слу-

жит свидетельством совершенства и безальтернативности западного либерального пути общественно-исторического развития. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в то время как весь незападный мир как будто принимает принципы рыночной экономики, а некоторые народы — также те или иные институты политической демократии, на самом Западе усиливается интенсивность критики наследия Просвещения и его детищ в лице индивидуализма, прогресса и политической демократии. К тому же Запад не раз давал козырные карты в руки вождей и идеологов обоих вариантов тоталитаризма и различных форм авторитаризма. Проблема состоит также в том, что в целом Запад еще не сумел выдвинуть сколько-нибудь убедительный альтернативный миф или идеологическую систему, соответствующую реальностям современного мира.

Все это как бы свидетельствует об окончательной смерти всякой идеологии, что дало повод некоторым псевдопророкам заявить о «конце истории», «конце идеологии» и наступлении новой эры прагматического либерализма. Под вопрос поставлена сама возможность или правомерность каких бы то ни было идеально-программных, политико-идеологических построений в качестве мобилизующих идеалов. При таком положении вещей возникает множество вопросов: способна ли демократия эффективно ответить на вызовы новой реальности? может ли либерализм, консерватизм или какой-либо иной «-изм» заполнить тот вакуум, который образовался после очевидной несостоятельности традиционных идеологических систем? какие именно факторы и приоритеты определяют основные векторы развития человечества? И т. д.

При поиске ответов на эти и другие вопросы необходимо исходить из признания, что идеологии отнюдь не станут достоянием истории, они сохраняют функции и роль фактора, оказывающего существенное влияние на характер и направления общественно-исторического развития. Идеологии, призванные служить в качестве связующих звеньев человеческих сообществ, не могут совсем исчезнуть, неизбежно появятся новые идеологические конструкции или мифы, которые заполнят образовавшийся вакуум. Вместе с тем они примут иные очертания.

Нынешняя ситуация в данной сфере характеризуется преобладанием импровизации и фрагментарности, отсутствием сколько-нибудь цельных и последовательных теорий и идеологий. Имеет место усиление чувства неопределенности и случайности мировых процессов. Это во многом объясняется тем, что лишённые идеологических оснований в традиционном смысле слова сдвиги глобального масштаба порождены сочетанием множества социальных, экономических, культурных, технологических и иных факторов, различные комбинации которых могут вызывать непредсказуемые ситуации и последствия. Эти последние накладываются на целый комплекс факторов, которые в совокупности способны усиливать конфликтный потенциал как внутри отдельных обществ, так и между различными народами, странами, культурами, конфессиями и т. д. Постиндустриальная революция, урбанизация, информатизация, рост грамотности породили специфическую культуру и целые массы люмпенов физического и умственного труда, оторванных от корней и земли и готовых поддерживать любой миф, обещающий все блага мира.

В то же время динамика секуляризации породила тип человека, для которого главным мотивом деятельности, главным жизненным кредо стало удовлетворение собственных, прежде всего материальных, потребностей и желаний. Это самовлюбленный человек, который, как удачно отметил С. Даннелс, является продуктом развития свободы, не корректируемой ответственностью. Он отрицает все, что ограничивает утверждение личности, восстает против институтов, процессов социализации, обязательств, — то есть против всего, что составляет саму ткань любого общества.

Национализм как идеология

Идеология теснейшим образом связана с формированием и институционализацией идей нации и национального государства. Более того, в течение последних двух-трех столетий идеология и национализм дополняли и стимулировали друг друга. Не случайно они возникли почти одновременно в качестве выразителей интересов поднимающегося третьего сословия, или буржуазии, что, в сущности, на начальном этапе представляло собой одно и то же.

В XX веке оба феномена приобрели универсальный характер и начали использоваться для обозначения широкого спектра явлений. Появившиеся в минувшем столетии понятия «буржуазный национализм», «либеральный национализм», «мелкобуржуазный национализм», «национал-шовинизм», «нацизм» и т. д. в основном применялись в качестве идеологических конструкций для оправдания и обоснования политико-партийных и идеологических программ соответствующих социально-политических сил. Свою край-

нюю форму эта тенденция получила в гитлеровской Германии, где национализм и идеология служили двумя главными несущими опорами нацизма как государственной идеологии.

Национализм в XX веке стал знаменем разнородных социально-политических сил и движений, которые во многом определили основные векторы развития большинства стран и народов. В значительной степени именно под знаком национализма разворачивались процессы и события, в конечном счете приведшие к Первой мировой войне. Результатом самой войны явилось образование целой серии новых национальных государств, что в определенной степени подтвердило актуальность и действенность идей и принципов национального самоопределения.

Конец XX века также ознаменовался новым всплеском национализма, идей национального самоопределения и образованием множества новых национальных государств. Можно со всей уверенностью утверждать, что образное выражение Э. Хобсбаума «сова Минервы парит над нациями вместе с национализмом» верно применительно ко всему XX столетию.

На первый взгляд парадоксально может звучать утверждение, что национализм при всей своей внешней обращенности в прошлое, к традициям и мифам является ровесником и близнецом модернизации и теснейшим образом связан с промышленной революцией, урбанизацией, станов-

лением гражданского общества, современного государства и т. д. То, что национализм и промышленная революция порой как бы противопоставляли себя друг другу, никоим образом не должно ввести нас в заблуждение.

Национализм — прежде всего социокультурный феномен, который во многих случаях выступает в качестве своеобразной оболочки для иных интересов и мотивов, например стремления участвовать в дележе материальных ресурсов, завоевании власти и авторитета, преодолении психологических и идеологических комплексов и т. д. Соответственно, он интегрировал в себя традиционные мифы и символы, но использовал их для защиты и обоснования новых феноменов

Национализм — прежде всего социокультурный феномен, который во многих случаях выступает в качестве своеобразной оболочки для иных интересов и мотивов, например стремления участвовать в дележе материальных ресурсов, завоевании власти и авторитета, преодолении психологических и идеологических комплексов и т. д.

в лице национального государства. Сила национализма состоит как раз в том, что он органически соединяет индивидуальные социокультурные приверженности людей с государством, которое способно действовать, в том числе и в плане защиты и гарантии сохранения национально-культурной идентичности народа.

Реальность заключается в том, что большинство людей в совре-

менном мире сознают себя представителями определенной общности, отличающейся от других общностей. Вместе с тем были и есть такие ученые, которые, будучи убеждены в реальности и силе национализма, выступали с радикальными лозунгами предоставления всем нациям возможности создать собственное государство. Очевидно, что при соответствующей трактовке права народов на самоопределение этот постулат весьма трудно опровергнуть. И действительно, почему одни народы имеют право и успешно реализуют его для создания своего независимого, суверенного государства, а другие нет?

Парадокс, однако, состоит в том, что при всплеске национализма в современном мире почти не осталось национально однородных государств. Подлинно национальное государство, если понимать под таковым государство с населением, состоящим из одного только этноса, является скорее исключением, чем правилом. Особо важное значение с данной точки зрения имеет то, что не все существующие в настоящее время народы и этносы способны создавать и поддерживать самодостаточные и сколько-нибудь жизнеспособные государственные образования. К тому же в современном мире по большому счету нет и не может быть полностью независимых от внешнего мира, полностью самодостаточных стран. Если бы все существующие в современном мире нации, народы, этносы претендовали на создание собственных независимых государств и попытались реализовать эти претензии, неустойчивость миропорядка многократно усилилась бы, и само существование многих государств было бы поставлено под вопрос.

Как известно, под *самоопределением* понимается свобода каждого народа жить по собственным законам, под управлением избранных им самим властных структур, распоряжаться своей судьбой по своему усмотрению, при этом не нанося ущерба свободе и законным интересам других народов. Лишенная национального своеобразия страна может лишиться и отведенного ей места в мировой истории. Требуя для себя самоопределения, народы добиваются свободы распоряжаться своей судьбой на собственной территории.

Но, как показал опыт 1990-х годов, распад многонационального государства может привести к распаду устоявшихся властных структур и баланса власти и интересов, а это в свою очередь способствует росту неопределенности и неустойчивости. События на постсоветском и постъюгославском пространствах свидетельствуют, что такой распад чреват непредсказуемыми кровавыми последствиями, в которых даже в долгосрочной перспективе проигрыш для большинства вовлеченных сторон явно перекрывает все возможные приобретения.

Кроме того, следует отметить, что нередко национальные движения, в идеологии которых преобладает этническое начало, довольно быстро исчерпывают свой мобилизационный потенциал. Более того, они создают благоприятную почву для утверждения авторитарных и тоталитарных режимов. Экспорт или поддержка сепаратистских идей и движений при определенных условиях сопряжены с далеко идущими негативными последствиями, поскольку они могут стать одним из главных источников и побудительных мотивов терроризма и гражданских войн.

В контексте приведенных доводов и аргументов представляется не совсем корректным рассматривать религиозный фундаментализм, национализм, расизм, нетерпимость во всех их проявлениях исключительно через призму истории, как некие реликты прошлого, не совместимые с настоящим, тем более с будущим. Зачастую, когда не совсем четко представляют себе природу проявления этих феноменов в современных реальностях, они изображаются в качестве неких возрождений или пробуждений давно преодоленных тем или иным сообществом феноменов. Говорят, например, о возрождении религиозного фундаментализма, национализма, традиционализма и т. д. В результате они предстают в качестве неких фантомов, не имеющих почвы в современном мире.

Ослабление, распатывание инфраструктуры традиционной базовой культуры имеют своим следствием измельчение, атомизацию, эфемерность ценностей, норм и принципов, определяющих моральные устои людей. В результате понятия «родина», «вера», «семья», «нация» теряют свой традиционный смысл. Это приводит, с одной стороны, к усилению терпимости и открытости в отношении чуждых культур и нравов, а с другой — к ослаблению чувства приверженности собственным традициям, символам, мифам.

Немаловажную роль при этом играют средства массовой информации. Проникая во все сферы общественной жизни, они содействуют вульгаризации и заземлению культуры, доведению ее коммерциализированных форм до каждой семьи, каждого человека. Тем самым они способствуют подрыву многих традиционных ценностей, ассоциируемых с буржуазной

цивилизацией, — таких, как этика призвания, бережливость, трудолюбие, — и выдвигению на передний план стяжательства, показного потребления, гедонистического образа жизни, вседозволенности, подрывающих сами основы современной цивилизации.

Все это создает благоприятную почву для формирования и распространения, с одной стороны, всякого рода органицистских, традиционалистских, фундаменталистских, неототалитарных, неоавторитарных идей, идеалов, устоев, ориентаций, а с другой — универсалистских, космополитических, анархистских, либертариистских, антиорганицистских идей, установок, не признающих дисциплины, ответственности и т. д. При таком положении вещей для многих дезориентированных масс людей национализм, различные формы фундаментализма могут оказаться подходящим, а то и последним прибежищем. Не случайным представляется всплеск так называемых возрожденческих движений в исламском и индуистском мире, национализма и партикуляризма почти во всех регионах земного шара.

При таком положении вещей возникает множество вопросов. Смогут ли люди, общества, сообщества выжить и действовать в долговременной перспективе? Где найти те идеи или идеалы, которые способны служить в качестве духовных основ новых инфраструктур? Не поисками ли ответов на эти и другие вопросы вызван всплеск новых религиозных движений, засвидетельствованный во всех индустриально развитых странах, и не противоречит ли он процессу секуляризации современного общества? Не оказалась ли перспектива окончательного преодоления религиозной веры в процессе модерниза-

ции и связанной с ней секуляризации сознания ложной?

Естественно, что на эти вопросы, затрагивающие основополагающие аспекты жизни народов, нет и не может быть простого ответа и единого мнения. И это не удивительно, если учесть, что ослабление, расшатывание инфраструктуры традиционной базовой культуры имеют своим следствием измельчание, атомизацию, эфемерность ценностей, норм и принципов, определяющих моральные устои людей. В результате понятия «родина», «вера», «семья», «нация» те-

ряют свой традиционный смысл. Это приводит, с одной стороны, к усилению мотивов терпимости и открытости в отношении чуждых культур и нравов, а с другой — к ослаблению чувства приверженности собственным традициям, символам, мифам. Более того, в условиях неуклонной космополитизации и универсализации все более отчетливо прослеживается обострение чувства безродности, отсутствия корней, своего рода вселенского сиротства. Как отмечал М. Хайдеггер, «бездомность становится судьбой [современного] мира». ◆